

Тая Каталенская

Так быть не должно

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тая Каталенская

Так быть не должно

«Автор»

2026

Каталенская Т.

Так быть не должно / Т. Каталенская — «Автор», 2026

Варвара — девятнадцатилетняя девушка, которая оказалась в психиатрической больнице после попытки суицида. Ей предстоит столкнуться с системой, которая не слышит, с пациентами, которые носят свои диагнозы как кресты, и с собственным прошлым, которое не отпускает. Но среди этих стен она находит тех, кто понимает её без слов, и ту самую надежду, о которой почти забыла. Это не просто книга о больнице. Это книга о выживании, о дружбе, о том, как можно остаться собой, даже когда мир говорит, что ты сломан.

© Каталенская Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Повесть в трех частях	5
Предисловие	5
Посвящение	6
Часть I. Попытка	7
Наблюдательная палата	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Тая Каталенская

Так быть не должно

Повесть в трех частях

Предисловие

Мне далеко до мэтров писательского мастерства, которыми я вдохновлялась, но мне есть что сказать, пускай это будут, возможно, прописные истины. Их нужно и важно повторять и повторять.

Пережитое я художественно обработала и переосмыслила, но почти все события, описанные здесь, происходили в реальной жизни (за редким исключением). Не только со мной, но и с теми, с кем мне посчастливилось познакомиться, а с кем-то даже подружиться.

Я искренне восхищаюсь теми, кто борется с ментальными расстройствами и теми, кто их лечит. Врачи-психиатры - самые умные и стойкие люди, с которыми я когда-либо общалась. Медсестры и санитары - герои. А пациенты, которые вопреки всему продолжают терапию, заслуживают уважения и понимания, по моему нескромному мнению.

Моя книга написана в надежде, что психиатрия в России будет только лучше.

Я излагала мысли пациента больницы в моменте. Как госпитализация происходит и как она выглядит его глазами.

В тексте упоминаются названия реальных препаратов, которые пить можно только по рецепту и только по назначению врача. Злоупотреблять таким нельзя, вредно для здоровья и все такое!

Приятного чтения!

Посвящение

Сердечно благодарю молодого писателя Андрея Пантелеева, который помогал мне с первой редакцией и предложил более точное название. Хотя наши дороги и разошлись, но идейно я с тобой.

Кириллу, нашему общему другу.

Элен, коллеге по Фикбуку, с которого я начинала.

Вере, с кем я планирую вместе творить вместе.

Алине, три фотографии от которой я и храню с того страшного времени, с того самого ноября 2023 года. Наташе, с которой мы сплотились в результате общей беды и с которой мы так же оказались очень близки по духу. Маше, Насте и Лене, моим школьным подругам. Даше, моей самой классной приятельнице из вуза.

Толе, моему учителю истории.

И, наконец, Н.Е. Ж. и В.А.Б. – двум медийным персонам, которых я узнала лично.

Спасибо всем и каждому из моих самых близких друзей и вдохновителей!

Часть I. Попытка

Через окошко на белой крыше проглядывало хмурое ненастное небо. Изредка заглядывали сюда и оранжевые сутулые фонари, подобно прохожим, столпившимся вокруг изуродованного трупа, всё мелькали в однотипном беспокойстве.

Молодой санитар, на мгновение всхрипнув, покосился на новую пациентку — она неподвижно лежала на кушетке и смотрела в одну точку. Затем девушка апатично уставилась в потолок.

«Ну вот и всё. Я даже умереть не смогла достойно. Что я, Господи, такое? Должна была разбиться...»

Крепкие мужские руки накрыли кремовым пальто её тело — бесшумно и настолько заботливо, насколько это было возможно. Бережно, точно младенца.

«Кто я, если не ничтожество?» — мысли, вязкие, как кисель, растекались по всему её существу липкой мерзостью. Что-то непрестанно погружало разум в мертвецкий сон. Одно лишь сердце трепыхалось испуганной птицей в груди, как бы напоминая о том, что жизнь ещё не закончена. Струна бытия не оборвалась в той тёмной однушке в приглушённом свете. В той однушке, где отравляли всю комнату полсотни таблеток такого же гнойного цвета, как и лампочка на оголённом проводе.

Картинки сменяли друг друга, словно кто-то крутил плёнку в домашнем кинотеатре. Зеленоватые обои, надувной матрас, чемоданы, коробки, заплаканное лицо Юраши, открытое настежь окно на вечерней кухне...

Оттуда-то подудло сожалением, что обернулось ледяным равнодушием.

— Кто просил тебя глотать таблетки на глазах у него, вот скажи мне, а? — осуждающий голос прошептал на ухо визливу. — Вот нельзя было потерпеть?

— Обязательно было разводить эту драму? — продолжил другой, более низкий голос. — Почему нельзя было, ну, хотя бы подождать, пока все уедут? Позорище.

— Да не хочешь ты умирать, кому ты лечишь! Ты просто не справились с обстоятельствами и строишь из себя жертву! Чтобы тебя пожалели!

И не было конца их злобным увещаниям.

— Приехали, — тяжело вздохнул водитель, поднимаясь. — Выходи, мадмуазель! — кряхтя от собственного веса, он неловко спустился с подножки и подал мясистую ладонь. — Нет, сначала я, потом ты. Так уж заведено.

Второй мужчина прыгнул следом, быстро закрыл дверь и подхватил новоиспечённую пациентку под правый локоть, а его коллега цепко обхватил её левое предплечье.

— Ты не справились, — слышалось в шелесте бурой листвы в тёмной аллее, что вела троицу к стенам невзрачного пятиэтажного здания с решётками на окнах.

— Присядь. Потом тебя позовём, — та же рука, что поправляла полы пальто, погладила её по плечу. Тем не менее, эта же рука настойчиво надала, усаживая девушку в кресло.

Белый свет слепил глаза: весь окружающий мир представлял смазанными пятнами в тусклых очертаниях картины импрессиониста. Девушка закрыла глаза, желая исчезнуть. Съёжилась в углу фойе на одном из железных стульев, чувствуя внимание посетителей к её чудному наряду — тонкой серебристой домашней пижаме. Тяжело было разобрать, что говорили вокруг, — в тот мучительно долгий момент для неё никого уже не существовало — настолько сильно захватило её оцепенение. Реальность смешалась с бредом, и вот её уже подо льдом уносило течением зимней реки туда — на дно, откуда уже не вытянут её, ведь легкие заполонила студёная вода. Туда, где нельзя подать признаков жизни и откуда всё так же разносились пронзительные истеричные вопли:

— Ты не справились! Ты не справились! Ты не справились!

— Помогите!!! — одними губами кричала новоприбывшая пациентка больницы, пряча лицо в ладонях.

Белый халат. Собранные тёмные волосы в пучок. Ещё одна женщина средних лет, чьё лицо смешалось с сотней других — таких же врачей и санитаров.

— Здравствуйте, я дежурный психиатр. Что случилось?

Девушка, не поднимая глаз, едва пробормотала:

— Суицид.

— Причина?

Молчание. Течение становится быстрее, вода утягивает глубоко на дно. Всё холоднее и холоднее. Голова кружится. Еле видимый свет меркнет.

— Какая молоденькая! Никаких шрамов, никаких порезов! Волосы-то чистые какие! Густые, русые! Что случилось? Всё вместе навалилось или что-то конкретное? — какая-то бабулька усиленно обтирала длинным махровым полотенцем мокрую кожу девушки. Белая плитка блестела под флуоресцентными лампами, подобно гляncу бумаги.

— Всё. Я не справилась! Я не справилась! Я не справилась! — схватившись за голову, разрыдалась девушка.

Ей казалось, что эти узловатые руки принадлежат не сторбившейся над ней пожилой незнакомке, а родной бабушке. Той, кто когда-то ласково ублаживала её колыбельной песней, что внезапно заиграла где-то на задворках памяти:

«Мама попозже придёт, а ты спи! Спи, Варюша, моя радость, усни! В доме погасли огни, Птички затихли в саду, Рыбки уснули в пруду. Глазки скорее сомкни, Спи, моя радость, усни! Спи! Спи!»

Солёные слёзы обжигали щёки. Комок в горле встал рыбьей костью, мешая что-то дальше объяснять. Санитарка не стала настаивать, только, приговаривая что-то утешительное, протянула хлопковую сорочку, белую в голубой горошек. Со швами на груди под бюст. Потом дала платье, чёрное в ромашку, и трусы, больше похожие на шорты.

Ноги, ничем не прикрытые, мерзли от кончиков пальцев до ягодиц. Создавалось впечатление, будто Варвара продолжала оставаться такой же обнажённой, как и в душе при осмотре. Это не придало ей большей веры в слова молодого санитаря. Он сидел теперь рядом с ней на кожаном диванчике песочного цвета:

— Здесь обычная больница. Те же правила, только немного строже. Никакой вот этой дури со смирительными рубашками, всё только для твоего же выздоровления.

— Угу, — только и кивнула головой Варя. Чёрные глаза нервно перебегали с одного предмета на другой. По стеклянному взгляду можно было догадаться, что мысли её заняты были явно не разговором.

«А какая мне разница? Да хоть бы и смирительные рубашки, и маски как у Ганнибала Лектора, и лоботомия, что я уже сделаю? Да и зачем мне что-то делать? Как оказалось, не могу я ничего толкового сделать, так смысл пытаться? Гори оно всё синим пламенем, конём долбись!»

У противоположной стены стоял выдавший виды шкаф, забитый под завязку старыми советскими пожелтевшими изданиями малоизвестных авторов. В углу висел телевизор. С экрана что-то вещали чиновники, сидя перед президентом, на каком-то очень важном собрании. Очевидно, Варвара оказалась в местной столовой. Вдоль окон стояли столы и стулья со спинками и железными ножками. По зелёному коридору практически никто уже не ходил — видимо, время было уже совсем позднее.

Санитар тем временем что-то уже начал рассказывать из ниоткуда возникшему медбрату (что девушка поняла по другому цвету костюма — тёмно-бордовому; младший медперсонал был в одежде голубых оттенков):

— ...И вот, представляешь, под Новый год сколько их! Только привёз одних, уже звонят — привози других!

— И как, много платят за праздничные? Насколько? — вкрадчиво поинтересовался этот паренёк, лет двадцати трёх на вид, долговязый и несколько сторбленный, но внешне не отталкивающий.

«Интересно, живёт ли он с девушкой? Вроде кольца нет на пальце, не женат. Ждёт его, наверное, дома, ужин готовит», — промелькнуло внезапно в голове у Варвары. И память тут же начала услужливо проявлять фотографиями недавнее прошлое.

Белые шкафчики для тарелок, чашек и специй сверху. Строго снизу, под белыми шкафчиками, салатные — для столовых приборов, кастрюль, сковородок и аптечки. Над чёрными кружочками конфорок — светодиодная лампа. Свет создавал такую душевную обстановку, как камин с потрескивающим огоньком. Желтоватая тонкая ткань теста шипит на масляной блиннице — пора переворачивать, и мягкий высокий голос спросит вдруг участливо на ушко:

«Солнышко, ты не устала?»

Но тут картинка развеивается, как мираж в пустыне перед страждущим путником, и вновь возникают бликующие от офисных ламп стены больницы. И Юры уже рядом нет.

«К чему я вообще думаю сейчас о нём? Он уехал к маме, а денег теперь нет, чтобы жить вместе. Да и вряд ли будет, с учётом того, что он заявил — не хочет работать, учиться, его семья сейчас превыше всего, и вообще он за гостевой брак... Я ничего не понимаю, как? Что произошло? Почему я тут?»

Внезапно санитар позвал какой-то полноватый мужчина средних лет. Тогда санитар поднялся и обернулся к Варе со словами:

— Ну что ж, желаю удачи, сейчас тебя позовут...

— Серёжа! — послышалось из-за двери, первой, считая от входа в отделение. — Где новенькая?

— А вот уже! — слабо улыбнулся мужчина, протягивая руку. Варя с безразличием на неё оперлась.

Медицинский пост представлял из себя небольшую комнатку, если не сказать, что каморку. Половину не занимала полка, ломившаяся от увесистых папок, на боку которых значились фамилии. Слева вытянулась лавка, типичная для кабинетов в региональных поликлиниках. Розовые стены казались не в тему — вызывали только дополнительную тревогу и настороженность. Справа, за столом с двумя компьютерами и принтером, расположились две медсестры.

Одна, крепкого телосложения, с сильными руками, крашеная блондинка с укладкой «корзинкой». Вторая, помоложе, пышная дама с каштановыми волосами в конском хвосте. Взгляд первой женщины обдавал морозным холодом каждого посетителя, другая же спокойно смотрела шоколадными глазами по сторонам, словно ничто особо её не заботило.

«Вот у неё, скорее всего, есть дети дома. Дочка? Может, две...»

— Здравствуйте, скажите, пожалуйста, своё полное имя, фамилию, отчество, — начала вторая медсестра.

— Романова Варвара Александровна, — еле слышно прошептала Варя, глядя в одну точку. Она очень ждала момента, когда ей разрешат выйти — сил едва хватало на то, чтобы хотя бы стоять, а тем более что-то обдумывать.

— Полных лет?

— Девятнадцать.

— Почему Вы здесь?

«Поверь, я задаюсь тем же вопросом. Да и разве не понятно? С ума сошла. Чокнулась! Так ведь вы считаете? Так и запиши уже в бумажке, а я пойду», — мрачно думала про себя Варя, но терпеливо ответила:

— Попытка суицида.

Медсестры переглянулись, но поток вопросов не прекратился:

— Какой способ?

— Таблетки.

— Что? Сколько?

— Нош-па, не знаю сколько. Много было, не считала.

— Ну как? Сколько? — недоумевала женщина, придвигаясь чуть ближе к лавке.

— Говорю же, не считала, — Варвара чувствовала себя выжатой как лимон. Казалось, встань она, тут же упадет. Не было даже сил на злость, разве что на лёгкое раздражение. Внутри лишь в очередной раз нарастало желание беззвучно завопить.

«Да как объяснить, что я переезжала и поэтому все препараты распихала по двум таблетницам, чтобы меньше места аптечка занимала в вещах? Что я достала до такого днища, что мне это было важно? Что я экономила на всём, на чём можно, и всё равно фактически всё потеряла? Да и разве тебя колыхнет? Какая тебе, к черту, разница? Отстань от меня! Я не хочу, чтобы ты лезла ко мне! Я облажалась, довольна?!»

— Ну, тридцать надавила? Пятьдесят?

— Ну, в районе пятидесяти. Я не успела всё равно проглотить...

— Что помешало?

— Они уже были надавлены и лежали вне пачки, в пакете. Мне было очень плохо, и я высыпала их все на руку, но не успела проглотить. Я долго редела от страха, когда в квартиру зашёл мой парень, который помогал мне с переездом с той квартиры на новую. И он у меня их забрал.

— Так что же тебе помешало больше: страх или он?

Пациентка Романова на мгновение призадумалась. А действительно? Что было тогда сильнее? Хватило бы духу? А что она больше сейчас хочет? Умереть или жить? «Выжрала» ли она бы всё, будь у неё больше времени или нет?

Недавние всхлипы и громкие рыдания колокольным звоном раздалились в ушах:

— Нет, отдай их!!

— Не отдам! — Юрочка упрямо гнул свою линию, заключив в удушающе крепкие объятия забившуюся в истерику девушку.

— Уйди!

— Не уйду!

— Нет, уйди! Уйди! Уйди!

— НЕ УЙДУ! — она никогда не слышала, чтобы так громко и отчаянно он что-то, обращённое к кому-либо, кричал.

— Ну что ты заладил! Не произойдет со мной уже ничего, отстань от меня! — тонкие пальцы тянулись к горсти жёлтых таблеток.

— Нет, Варя, я не уйду, — вторая рука отшвырнула подальше препараты.

— Дай мне уже просто умереть, я больше так не могу!

— Нет, не дам!!! — зло отрезал Юра, трясясь не то от ярости, не то от ужаса.

— Оставь меня уже, я не могу так жить! — всё пытаюсь одержать победу в неравной схватке, молила девушка. — Меня все оставили здесь! Никого не осталось у меня, дай уже умереть!

Обе медсестры по-прежнему ждали ответа на заданный вопрос.

— Наверное, всё же он, — заключила Варвара. — Я не уверена.

— А вообще с чего такое решение было?

«С того, что я бесполезный биомусор».

— Я одна и никому не нужна. Мы поссорились с молодым человеком, но это не из-за него, это была скорее последняя капля, наверное. А я не из Москвы, мне было тяжело всё это время.

— Были ли другие попытки?

— Да.

— Какие?

— Одна в семнадцать, вторая в восемнадцать.

— Способы?

— В восемнадцать тоже таблетки, но парацетамол. В семнадцать — спрыгнуть с моста.

— Что же помешало тогда?

«Интересно, она каждый день так бесцветно спрашивает, или бывают какие-то дни, когда её что-то трогает?» — мелькнуло в голове у Варвары перед ответом.

— На мосту мне позвонила мама. Я как-то расплакалась, испугалась — она меня позвала домой, ругалась, типа «где я там». Дождь тогда шёл. И мост был всего лишь с пятиэтажный дом. А парацетамола было мало слишком, я прочитала в интернете, что мало для летального исхода. А денег не было.

«А быть инвалидом я не хочу, лучше сдохнуть, чем это всё», — впиалась когтями в сознание фраза, которую девушка так и не смогла вербализовать.

— Понятно, — наконец заключила вторая медсестра, отворачиваясь. — Твои вещи будут здесь, заберёшь их на выписке. Проводите в надзорную.

— А можно что-то поесть? — внезапно жалобно просипела пациентка.

— Хммм, — протянула медсестра. — Ну, уже ужин прошёл. Свет! Светка! Остался какой-нибудь йогурт?

— Всё уже увезли давно, куда там! — заглянула в кабинет брюнетка с пережжёнными дешёвой краской волосами. Санитарка простовато, подобно ребенку, всплеснула руками (хотя она явно была старше обеих медсестёр, и на контрасте с ними это выглядело отчасти даже нелепо).

— Придумаем что-нибудь. Даже у нас лично здесь еды нет, я бы рада... — сочувствующе глянула снова на Варю медсестра.

— Ну ладно, — равнодушно протянула Варвара, пытаясь вспомнить, ела ли она вообще сегодня, и думая, уснет ли она этой ночью, если будет сильно болеть живот. И будет ли?

«С другой стороны, живот и так последнюю неделю болел из-за доширакоподобной лапши по десять рублей. Не блеванула ж ни разу, пережила как-то. И эту ночь переживу. Хотя надо ли? Чего меня это уж так парит? Ну сдохну голодной смертью и сдохну. Самой мучительной, пожалуй. Больно будет, конечно, ну и что. Мда, везёт как утопленнику. Прямо до талого».

Наблюдательная палата

Девушка поплелась следом за бойкой и говорливой Светкой, которая проводила её во вторую с конца палату: все лампы справа уже погасли, а слева ещё горели. Четыре человека из девяти присутствовавших с «теновой» стороны уже дремали. Остальные же старательно пытались расслабиться, но у всех были напряжённые лица. Здесь лежали женщины самого разного возраста. Однако Варя чувствовала себя чуть ли не младенчиком — маленькой, слабой, немощной, точно она попала в старший отряд, где все возвышались над ней.

— Майорова, на выход! — разбудила одну из бабушек со «светлой» стороны санитарка. — Поднимаемся, поднимаемся! В третью перевод!

Бабулька, недовольная и сонная, будто потревоженная ночная птица, выпорхнула из помещения. Потом за ней ушла и Света, предварительно скатав в рулет всё постельное бельё до матраса:

— Э-э, не-е-е! Тебе надо другое, это чужое! Подожди! — грубовато толкнула женщина от кушетки Варю, валившуюся с ног. Та только кивнула.

— Сама сможешь расстелить?

Девушка пожала плечами. Если это будет последнее, что понадобится — пожалуйста. Через некоторое время санитарка вернулась, бесцеремонно бросив на кровать одеяло с подушкой. Затем неожиданно повернулась к самой пугающей, на взгляд Вари, пациентке палаты: к женщине, на которой кожа буквально висела. С редкими русыми волосами, невымытыми, казалось, неделями, с выпученными глазами навывкат и открытым ртом, она стояла и не двигалась с места, лишь глаза выдавали тот факт, что она не манекен, а всё ещё живой человек.

— Лен, как дела? А? — смеясь, обратилась Света к женщине. — Че уставилась? Нормально всё? Ха-ха-ха!!

«Лена» как в замедленной съёмке обратила внимание на собеседницу, но ничего не произнесла, лишь продолжила безмолвно таращиться на неё. Разве что уголки рта немного расслабились и приподнялись чуть вверх, придавая лицу блаженное и кроткое выражение. Видимо, она не поняла ни вопросов Светки, ни того, кто есть кто, ни того, где она находится.

«Так выглядели бы жертвы Медузы Горгоны за секунду до окаменения. Если бы та существовала», — подумалось Варваре. Однако затем её осенило: пожалуй, не стоит настолько долго и пристально в кого-то вглядываться в психиатрическом заведении. На всякий случай. Такой шок по отношению к больной — верх неприличия. Она всё же через какое-то время сможет общаться! Варя поспешила отвернуться, тогда как другая санитарка, вальяжно опершись о косяк двери, покачала коротко стриженной головой:

— Дык разве ж она тебе ответит, Светк! Катюшина ж всё время молчит как рыба об лёд!

— Да-а, только и может, что стоять, разинув рот да как совунья глядеть! У-у-ух, — передразнила брюнетка упомянутое животное, и обе прыснули. — Эй, — опять обратилась Света к пациентке. — Закрой рот! Ну, че ты смотришь-то всё! Рот, говорю, закрой, а то муха залетит! И че ты стоишь? — и тут она принялась Елену укладывать спать, словно пластмассового пупса в люльку, однако та почему-то никак не сдвигалась с места. — Да ты что как дурная! Ложись уже!

— Свет, ну ты чего... — улыбка с лица второй санитарки сползла.

— Да!.. — та лишь махнула рукой, мол, ну чего такого?

А Варю в тот миг обуяли смешанные чувства. Вроде бы глупая шуточка про сову была действительно немного забавной, но подшучивать так, прямо глядя в глаза объекту насмешек? Да, именно ОБЪЕКТУ! Что они себе позволяют по отношению к этой несчастной? Она ведь ответить не в состоянии! Зачем?

Варя даже открыла было рот, чтобы вступить за Катюшину, но тут передумала.

«Лучше не буду пока ничего делать: только попала сюда — неизвестно сколько пробуду. Прелестно! Умом эти две не блещут! Да и сердцем обделены... И именно вот сегодня и именно вот в эту, первую, ночь я буду с ними! Блеск!» — цинично рассудила она. — «Везёт как утопленнику, честное слово! Ха-ха, так нелепо! И это слова суицидницы! Ирония, блять».

Вдруг вырубили разом свет окончательно, за исключением сквиркловой лампочки над дверью. У противоположной стены зашевелилось одеяло, и из-под него вынырнула темненькая высокая девушка с крупными чертами лица. Зрачки карих глаз расплылись практически до краев радужки. Она, вялая, пошатываясь, приподнялась и задала вопрос:

— Сколько времени?

— Полдесятого, Кариша, не вставай, давай обратно! — коротко стриженная тонкая санитарка глянула на часы в коридоре, которые висели прямо напротив двери в палату. Но тут ей пришлось отойти, и на стул у входа в эту комнатку примостилась Светлана.

Пациентка, лет около пятидесяти, которая дремала справа от Карины, громко всхрипнула, но только перевернулась на левый бок. Девушка проигнорировала просьбу санитарки и продолжила настойчиво пробиваться наружу.

— Что тебе нужно?

— В туалет хочу.

— Только со мной.

— Ага.

— Леночка, постоишь, покараулишь? — вторая санитарка тут же повернулась так, чтобы видеть всех и вся в палате. Тут она, конечно же, встретилась глазами с новой пациенткой. Варя молча выдержала длительный зрительный контакт со «Светкой», когда та ей сказала:

— А ты чего не спишь?

— Есть хочу.

— Ну, до завтрака терпи теперь!

— А во сколько он? — с толикой надежды в голосе проямлила Варвара.

— В семь. Ещё далеко до него, спать ложись!

— Постараюсь, — и она повернулась лицом к окнам.

«Но ничего не обещаю», — добавила про себя. — «Лучше бы я съела таблеток, чем это».

Снаружи на окнах — толстые прутья решёток, через которые виднелся вечерний осенний парк, отливавший тусклым серебром росы. На мокром асфальте светились бурые листья — ещё более яркие, более настоящие из-за рыжих фонарей.

«Вот бы оказаться сейчас там, хоть на минуту! И чтобы от меня все отстали. Я не хочу здесь быть! Мне страшнее, чем в той квартире... Что будет после больницы? Что-то вообще будет? А ведь мало того, что не умерла — теперь на карандаше у государства! Я-то, конечно, больная, на всю голову, но что теперь? Меня будут периодически навещать врачи ПНД? Или полиция? Или врачи и полиция? А я вообще выйду отсюда? Или выпустят, когда я окончательно перестану думать о самоубийстве? А это может вообще быть когда-то? Боже, лучше бы я умерла! Ну почему же я такая глупая и не выжрала всю аптечку?! Чтобы наверняка! Черт возьми!! Черт! Черт! Черт! Черт!!!»

— Лена, эту больше не пускаем в туалет! Она как-то странно ходит: там что-то шарится, ищет что-то — пыталась выбежать без спросу! Пусть на горшок ходит! И завтра тоже!

Долетевшие до уха Вари слова Светланы поразили девушку настолько, что у той перехватило дыхание: прямо в палате? Как это? На глазах у ещё девяти человек? Взрослый человек, и так уже полуголый, — посередине комнаты? И её это тоже касается? Или, может, получится выйти?

Да, у всех всё одинаковое, безусловно, но... смотреть на то, что у каждой под юбкой? Ладно, отвести-то взгляд можно, но звуки и запахи куда деть? Как это не замечать? Ладно,

десять человек в палате, включая наблюдающего, но если практически все будут гадить, то чем дышать здесь уже после двоих? Вряд ли кому-то дадут теперь выйти, если какая-то Света вот так просто решила, что Карина за что-то лишается туалета!

В высшей степени удивлённая девушка попыталась прочистить пересохшее горло, но закашлялась от внезапной жажды.

«Только не сейчас, смеёшься, тело? Потом ж захочется на белый трон, а дадут пластиковое импортозамещение!.. И с видом на прекрасную соседку справа! Блин!»

Та была действительно неземной красоты: точёная фигурка была настолько ладной, что Варя даже задумалась — а ест ли эта модель вообще; на осунувшемся лице горели два яркосиних, глубоких, как колодцы, глаза. Она глядела на происходящее с такой печалью, так пронзительно, что непременно хотелось её спросить, что же случилось. Тут в поле зрения попали уродливые швы, обработанные где-то йодом, где-то зелёной, — очевидно, соседка перерезала вены на локтевом сгибе. Варе стало как-то грустно и одновременно неудобно за любопытство.

«Любопытной Варваре на базаре нос оторвали!» — раздался в голове привычный с детства бабушкин укор и её собственный, детский голосок:

«Не надо, пожалуйста, мне его отрывать! Мой нос! Не отдам!»

Горло вопреки всем мольбам всё же начало болеть. Поморщившись, девушка попросила у санитарки Елены воды. Та водрузила целый поднос с трёхлитровым, заполненным доверху водой, кувшином и кучей одноразовых стаканчиков. Половину определили на подоконник.

— Ой, не торопись, я оставлю его тут! — прошептала санитарка.

— Спасибо большое! — только Варя отошла от подноса, как вновь с постели приподнялась Карина и, нахмурившись, вдруг спросила:

— А что это? — её указательный палец был устремлён куда-то в сторону прикроватной тумбочки пациентки Романовой, где Светлана позволила положить книгу и зубную щётку с пастой, которые наспех (по рекомендациям скорой) запихал в пакет Юра. В дальнейшем Варя не раз и не два мысленно благодарила его за эту внимательность.

— А что? Э-э-э, ничего тут нет, тумбочка и всё... — протянула озадаченно Варвара.

— Нет, нет, я не про неё. Тут какой-то кот? Что он тут делает?

«Бредит что ли?» — всё ещё не понимая, о чём идёт речь, гадала Варя.

— Извини, но я не вижу тут никаких котиков...

— Может, мне кажется? Или это тени? Я слышала, кто-то мяукал.

«Точно бредит. Жесть, надо сворачивать этот диалог, пока я не попала в часть её бреда, а то вдруг!...»

— Уже поздно, Карина, давай попробуем уснуть, — даже самой Варваре её голос показался неубедительным.

— Так, я должна понять! Подожди, — и та попыталась опять выйти из палаты, но Света грозно ей преградила путь рукой:

— Никуда ты не пойдёшь, барышня!

— Почему?

— Потому что уже поздно и нужно уже спать!

— Я должна понять, что происходит. Вы не понимаете!

— Ну что же происходит?

— Я не понимаю, но я должна понять.

— Зачем?

— Я не могу уснуть! Я слышу постоянно какие-то звуки! Откуда они?!

— Вот неугомонная, — и тут Светлана грязно выругалась. — Иди уже давай спать, что тебе всё надо!

— Спасибо вам большое за помощь! — Карина съязвила и тоже сматерилась, но обойдась без оскорблений.

— Че, я с тобой ещё и говорить обязана что ли?! Какое твоё воспитание!

— Всё, я уже всё поняла, отстаньте, пожалуйста, — спокойно произнесла девушка.

— Как же вы, психи, меня достали! Да что за день такой ебанный!

«Мне хана в этой больничке», — только и промелькнуло в сознании Варвары. — «Интересно, а избиения в подарок прилагаются к этому букету из счастья и обожания? У меня один выход — и тот не через окно. Какая жалость. Господи, зачем я пыталась убить себя? Лежала бы себе под тряпкой на надувном матрасе или уже бы в Подольске. На нормальной кровати и в нормальной одежде. Я такая глупая! Убейте меня! Я не хочу это видеть! Этого нет!»

Карина через какое-то время успокоилась и всё же задремала. Но Варя настолько сильно впечатлилась, что сна не было ни в одном глазу. Поэтому она решила на ночь почитать то, что откладывала последние пару месяцев — а тут так удачно подвернулось под руку.

«Авось, нудная книга сморит быстрее!»

Она старалась не думать, что это едва ли не единственная на ближайшее время книжка. Со скоростью чтения Вари — осилится быстро. А продолжение будет, как врачи выпишут из психиатрической.

Чёрные буквы на шершавой, белой бумаге так и манили, так и завлекали в чернильный мир слов, воздушных образов, чистого разума и изумительной фантазии. История началась с магии, погони на лошадях, интриг, и, когда Варя уже было забыла, при каких обстоятельствах читает, раздался противный громкий голос Светланы:

— Ты чего там в темноте глаза портишь? Видишь разве что?

— Вижу, — лаконично оборвала Варя, едва сдержав возмущение:

«Я и так забыла очки, чего ты докопалась — никому не мешаю, не свищу, не кричу, Господи, сиди и думай о вечном! Молча, желательно».

— А-а, понятно, — только и протянула в итоге на это санитарка, словно услышав мысли Вари.

«Вот ведь!.. Когда нет до чего докопаться — докапывается. Должно быть, это анекдотичный архетип женщин, ищущих подвох в комплиментах. Точно на ты сегодня такая красивая, из-за одного-единственного сегодня будут с тобой ругаться. Знал бы кто-нибудь из друзей, хоть бы Марина, куда я попала и что уже сейчас (и ночи не прошло!) развернулось, то никто ни за что не поверил бы», — обругав санитарку всеми известными ей способами, Варвара отложила наконец книгу, желая, чтобы усталость от этого безумного дня возобладала над голодом.

И тут, блуждая глазами по палате от скуки, девушка увидела следующую картину, отчего сердце замерло в оцепенении: Елена Катюшина, эта странная пожилая женщина, замотанная в одеяло, всё ещё не спала. На этом иссохшем восковом лице, тускло освещённом уличным фонарём, блестели широко вытаращенные глаза с тёмными нижними веками. Седые волосы потемнели и смотрелись ещё более грязными и неухоженными. Казалось, её фигура флуоресцировала в темноте.

Она напоминала Понтия Пилата из финального эпизода «*Мастера и Маргариты*», только без красной римской *тогии* собаки: проклятый страж пути в загробную жизнь, обречённый на вечные муки и особенно страдавший в лунные ночи. Вот только Мастер никак не придет за своим героем и никак его не освободит от собственного наказания. Старушка неустанно (изредка моргая) наблюдала за чем-то в окне, словно там происходило что-то захватывающее, вместе с тем трагичное.

«Какая же... какой.. кошмар! Что с ней случилось? Что это? Может, кто-то скончался скоропостижно на её глазах? Бросили родные? Лишилась дома? Что за горе так сильно выжигает её тело изнутри? Почему она так... смотрит? Может, у неё тоже галлюцинации? Как у той девочки? Тогда это какие надо видеть глюки, чтобы выглядеть вот так?»

Внезапно эти абсолютно безжизненные рыбы сухие глаза обращаются к Варваре, смиренно и неподвижно наблюдающей за действиями окружающих людей. Варя как зачарованная

отвечает тем же пристальным взглядом. В эту исключительно скорбную минуту ей вспомнились слова великого Ницше:

«Если вы долго всматриваетесь в бездну, то бездна начинает всматриваться в вас».

И тут рот старухи приоткрылся, как будто она собралась что-то сказать, да так и застыла гримаса ужаса, схожая с посмертной маской. Перед Варей всё всплывала картина «*Крик*», так навязчиво проявлявшаяся, как новые фотографии.

Но тут этот дикий взгляд потух, и Катюшина снова обратила внимание на что-то в окне. Варвара нашла в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.